Литвиновский, И.А. Восстановление советско-китайских отношений в 1924 г. / И.А. Литвиновский // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 8 / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. - Минск: БГУ, 2013. - С. 174-184.

И. А. Литвиновский

ВОССТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 1924 г.

Установление советской власти в России привело к международной изоляции страны. Ее преодоление было главным направлением внешней политики большевиков на протяжении целого ряда лет. Показаны важнейшие принципы советской внешней политики применительно к дальневосточному региону и крупнейшей по населению страны — Китаю. Их конкретным проявлением было достижение договоренности об установлении дипломатических отношений межу СССР и Китаем в мае 1924 г. Процесс нормализации двусторонних отношений проходил на протяжении более шести лет и находился в зависимости как от характера международной обстановки в целом, так и от решения вопросов, связанных с особенностями отношений между СССР и Китаем. В результате переговоров дипломатические отношения между государствами впервые в китайской истории по предложению СССР были установлены на уровне посольств, а не дипломатических миссий во главе с посланниками.

The establishment of the Soviet power in Russia resulted in the international isolation of the country. For some years the overcoming of that isolation was the priority of Bolsheviks' foreign policy. The author demonstrates the main principles of the Soviet foreign policy towards the Far East and the most populous country in the world – China. The sides achieved an agreement about the establishment of the diplomatic relations in May 1924. The process of normalization of the bilateral relations took more than six years and depended on the international situation and solution of the problems caused by the peculiarities of the relations between the USSR and China. As a result of the negotiations and on the initiative of the USSR the diplomatic relations between the countries were supposed to be at the level of the embassies, not just diplomatic missions headed by envoys. It was for the first time in Chinese history.

Ключевые слова: Китай, Советская Россия, СССР, внешняя политика, дипломатические отношения, Дальневосточный регион.

Keywords: China, the Soviet Russia, the USSR, foreign policy, diplomatic relations, the far Eastern region.

События октября 1917 г. в России имели самые неблагоприятные последствия для международного положения страны. Советскую Россию начали покидать дипломатические миссии, она постепенно оказывалась в условиях международной изоляции. 12 марта 1918 г. на родину отбыл и основной состав китайского представительства [1, с. 334].

В Лондоне 15 марта 1918 г. встретились руководители правительств и внешнеполитических ведомств Англии, Франции и Италии, где было решено не признавать подписанного в Бресте сепаратного мирного договора со странами Четвертного союза и начать союзную интервенцию в России. «Конференция считает, что есть только одно средство — союзная интервенция. Если Россия не может сама себе помочь, ей должны помочь ее друзья», — писал министр иностранных дел Великобритании лорд А. Д. Бальфур руководителям США, отмечая при этом, что, «по мнению конференции, никакие шаги по выполнению этой программы не могут быть приняты без активной поддержки Соединенных Штатов» [2, с. 10—11].

Серьезный очаг сопротивления советской власти формировался и на востоке — в китайском городе Харбин. Здесь в конце января 1918 г. при участии прибывшего из Англии бывшего командующего Черноморским флотом адмирала А. В. Колчака, бывшего начальника Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) генерала Хорвата, русских предпринимателей, в том числе директора Русско-Азиатского банка А. И. Путилова, бывшего председателя Госу-

Литвиновский Иван Афанасьевич — доцент кафедры истории России Белорусского государственного университета, кандидат исторических наук. E-mail: litvinowski@yandex.by

дарственной думы, лидера октябристов, а затем военного и морского министра Временного правительства А. И. Гучкова был сформирован «Дальневосточный комитет защиты родины и Учредительного собрания». 16 марта на состоявшемся в Пекине совещании с участием Колчака, Гучкова, Путилова и представителей японского генералитета был разработан план оккупации Дальнего Востока и Сибири иностранными войсками [3, с. 360]. 24 августа 1918 г. китайское правительство заявило о том, что направляет свои войска в Сибирь [1, с. 352].

Отношения Китая с Советской Россией серьезнейшим образом осложнились. Отсутствие дипломатических представительств, линий связи между государствами тормозило процесс налаживания взаимопонимания. Дополнительные сложности возникли в связи с монгольской проблемой. Монгольские земли на протяжении XVII в. постепенно были подчинены правившей в Северо-Восточном Китае маньчжурской династии Цин. Свержение династии в 1911 г. в результате Синьхайской революции повлекло серьезные изменения и в жизни Внешней Монголии. Феодально-теократические круги во главе с богдо-гэгэном, главой местной ламаистской церкви, в декабре 1911 г. провозгласили независимость страны [4, с. 21]. Однако под давлением западных стран и царской России Внешней Монголии пришлось согласиться на автономию в составе китайского государства. Это было оформлено так называемым тройственным русско-китайско-монгольским соглашением, подписанным в г. Кяхте 7 апреля 1915 г. По этому соглашению Китай обязывался не вводить в Монголию свои войска, не претендовать на колонизацию ее земель и не вмешиваться во внутреннее управление. За Внешней Монголией признавалось право заключать международные договоры по экономическим вопросам [5, с. 164]. Вопросы же внешнеполитического и территориального характера должны были решаться с участием всех трех сторон — Китая, Внешней Монголии и России. Китай и Россия обязались не размещать на этой территории своих войск и не вмешиваться в ее внутреннее управление. Соглашение было подписано по инициативе царского правительства, и оно закрепляло российские интересы в регионе. Внешняя Монголия всегда имела серьезное стратегическое значение для России как регион потенциально богатый полезными ископаемыми и к тому же расположенный в районе ее самой протяженной границы — многотысячекилометрового дальневосточного участка.

В 1919 г. Китай, воспользовавшись Гражданской войной в России, нарушил достигнутые в Кяхте договоренности. Он ввел на территорию Внешней Монголии свои войска, отстранил от власти ее теократического правителя богдо-гэгэна и ликвидировал автономию страны. Не обошли стороной Внешнюю Монголию и события Гражданской войны в России. Отступающие из Восточной Сибири под натиском Красной Армии формирования, возглавлявшиеся бывшим генерал-лейтенантом царской армии бароном Р. Ф. Унгерн фон Штернбергом, в 1920 г. вступили на территорию Внешней Монголии и захватили ее столицу Ургу. Под давлением барона богдо-гэгэн в феврале 1921 г. вторично провозгласил независимость Внешней Монголии. Сам Унгерн сделался фактическим правителем страны. Монголия превращалась в плацдарм борьбы против большевиков. В конце мая 1921 г. войска Унгерна вторглись в Забайкалье, стремясь отрезать Дальневосточную республику от Советской России [6, с. 385].

Такая ситуация, складывающаяся на границах Советской России, вызвала серьезную озабоченность в Москве. Под руководством представителей Коминтерна в Иркутске были созданы Монгольская народно-революционная партия и Временное революционное правительство, которое обратилось к Советской России с просьбой об оказании помощи в освобождении Монголии от белогвардейских войск [6, с. 386]. Боевые действия советских войск в Монголии начались 27 июня 1921 г., а уже 6 июля Красная Армия, войска Дальневосточной республики и монгольские революционные отряды вступили в Ургу, где 11 июля была провозглашена власть народного правительства [5, с. 22; 6, с. 386—387]. Новая власть подтвердила, что Внешняя Монголия остается независимым государством. 5 ноября1921 г. между Советской Россией и народной Монголией было заключено соглашение об установ-

лении дружественных отношений. Стороны обменивались полномочными представителями и консулами, аннулировался дореволюционный долг Монголии в сумме 5 млн руб. золотом. Было также решено, что части Красной Армии останутся в Монголии для защиты ее независимости. Вместе с тем, признавая Внешнюю Монголию независимым государством де-факто, Советская Россия не стала этого делать де-юре (хотя к этому стремилось монгольское правительство) во избежание крайнего осложнения отношений с пекинским правительством [7, с. 23—24].

Китай решительно противился возникновению на территории Внешней Монголии независимого государства, пребыванию там советских войск, но, не имея возможности что-либо изменить, вынужден был мириться с создавшимся положением. «Монгольская проблема» на долгие годы осталась осложняющим явлением в советско-китайских отношениях.

Завершение разгрома войск Колчака в начале 1920 г., выход Красной Армии к Байкалу, к дальневосточному региону России расширил возможности для связей с Китаем. Через китайского консула в Иркутске, радиосообщения из Иркутска и Владивостока российские, а затем и китайские газеты советским представителям, уполномоченным СНК РСФСР и Наркоминдела, удалось довести до сведения китайского правительства важнейшие принципы внешней политики Советской России по отношению к Китаю. Эти принципы были изложены в свое время в таких документах, как Декрет о мире и Обращение Совета Народных Комиссаров к китайскому народу и правительствам Южного и Северного Китая, принятое 25 июля 1919 г. Важнейшими среди них были равноправие, отказ от всех привилегий и завоеваний, которые сделало царское правительство в Китае, уважение национального суверенитета и т. д. Пекинское правительство проявило заинтересованность к советским предложениям. И, несмотря на сильнейшую зависимость от всех ведущих государств мира и вытекающую отсюда нерешительность в принятии самостоятельных шагов в области внешней политики, оно 6 мая 1920 г. приняло решение направить в Москву миссию для более конкретного выяснения позиции РСФСР. Ее возглавил генерал Чжан Сылинь [1, с. 408].

Поездка была неофициальной. Пекин не хотел упреков со стороны правительств западных стран. Миссия была весьма тепло встречена в Москве, где находилась три месяца. Китайским дипломатам показали страну, их принимали члены правительства, с генералом Чжан Сылинем беседовал В. И. Ленин. 27 сентября 1920 г. делегации были вручены предложения советского правительства о принципах строительства дружественных и равноправных отношений с Китайской Республикой. Китайское правительство в свою очередь вопреки давлению западных стран, сделало новый шаг в направлении нормализации отношений с Россией: 23 сентября 1920 г. последовал указ президента страны об отказе признавать полномочия царской миссии [8, с. 52]. Поездка в Москву имела важные политические последствия. По существу она означала установление отношений между странами де-факто. Решимость же Китая нормализовать отношения с Советской Россией де-юре, как отмечали китайские дипломаты самого высокого уровня (например, посланник в США Гу Вэйцзюнь), будет зависеть от международной ситуации и позиции США и других государств [9, с. 109].

К 1920 г. обстановка в мире заметно изменилась. Парижская мирная конференция подвела черту под итогами Первой мировой войны. Обозначились признаки стабилизации международного порядка. Гражданская война близилась к победоносному для большевиков завершению. А это означало, что с созданным ими советским государством западным странам предстоит налаживать отношения, ибо оно, независимо от характера новой власти, оставалось одним из крупнейших в мире. В январе 1920 г. Верховный совет Антанты принял решение о снятии экономической блокады Советской России. Первой признавала Советскую Россию де-факто Великобритания: руководитель ее правительства Д. Ллойд Джордж, являясь идейным противником большевистского режима, полагал, что не интервенция, а именно переход к мирной жизни, торговле будет способствовать перерождению советского строя.

Правительство РСФСР продолжило поиск путей нормализации отношений со своим важнейшим соседом на Дальнем Востоке. В марте 1921 г. Пекин подтвердил, что он готов вступить в переговорный процесс. Согласование вопроса о приеме советской делегации проходило в ходе длительной переписки, осуществлявшейся через торгового представителя РСФСР в Англии Л. Б. Красина и китайскую миссию в Лондоне. Достижение взаимопонимания заняло довольно много времени [10, с. 69—71]. Приезд советской делегации китайское правительство оговорило условиями: неофициальный характер визита, ведение переговоров о заключении торгового договора. Время для переговоров было крайне неудачным как в плане международной обстановки, так и внутренней ситуации в Китае. Красная Армия вела активные боевые действия против белогвардейских формирований во Внешней Монголии, в США начала работать Вашингтонская конференция, где китайский вопрос занимал важное место, а в самом Китае обострились отношения между враждующими военными группировками.

Специальная советская делегация во главе с А. К. Пайкесом прибыла в Пекин 12 декабря 1921 г. Она находилась в Китае до августа 1922 г., но ей так и не удалось вступить в официальные переговоры с китайской стороной. Пекинское правительство, по существу, интересовал только один вопрос — когда советские войска будут выведены из Монголии. На позицию Китая не могла не влиять и острая борьба, развернувшаяся вокруг вопроса о КВЖД на Вашингтонской конференции. Но в то же время правительство Китайской республики, несмотря на серьезную ограниченность своих самостоятельных действий на международной арене, предпринимало некоторые шаги по нормализации отношений с Советской Россией, осознавая, что это отвечает национальным интересам. В Пекине было принято решение о направлении в РСФСР еще одной миссии. В мае 1922 г. в Москву прибыл специальный представитель китайского правительства Шэн Чжунсюн [11, с. 13].

Со своей стороны советское правительство, стремясь дать новый импульс процессу налаживания отношений с Китаем, 22 июня 1922 г. приняло решение поручить ведение переговоров новому дипломату. А. А. Иоффе был назначен чрезвычайным и полномочным представителем РСФСР в Китае и одновременно ему вменялось в обязанность вести переговоры с Японией. В задачу новой дипломатической миссии, как заявил Иоффе, входило «официальное установление нормальных отношений и заключение договора...» [10, с. 79; 9, с. 115—116]. Почти сразу по прибытии в Пекин, 15 августа, А. А. Иоффе был принят министром иностранных дел Китая Гу Вэйцзюнем (Ви Куин Велингтоном Ку). Переговоры продолжились 23, 30 и 31 августа. По итогам этих встреч 2 сентября А. А. Иоффе направил специальный меморандум китайскому правительству, в котором предложил начать «переговоры по всем интересующим обе стороны вопросам в целях установления между обоими государствами добрососедских отношений». Советское правительство готово было вести переговоры на принципах, изложенных в обращении от 25 июня 1919 г. и ноте от 27 сентября 1920 г. [11, с. 61—62]. 7 сентября китайское правительство заявило, что готово приступить к переговорам с представителем РСФСР [11, с. 68]. Газета «Известия» 25 октября 1922 г. опубликовала материал, где содержалась точка зрения наркома по иностранным делам Г. В. Чичерина по этому вопросу: «Первые подготовительные работы по установлению соглашения с Центральным китайским правительством были совершены тов. Пайкесом. Со времени приезда в Пекин российского полномочного представителя тов. Иоффе установление самых тесных дружеских отношений с Китаем и разработка соглашений по всем текущим вопросам с Китайским правительством продвигаются быстрыми шагами вперед» [11, с. 64].

Однако в 1922 г. нормализации советско-китайских отношений не произошло. Пекинское правительство вынуждено было прислушиваться к мнению ведущих государств мира. В западной печати появились обвинения в адрес советской миссии, якобы развернувшей в Китае вредную деятельность. Писалось о том, что принятие советских предложений «повлекло бы к немедленным осложнениям с Японией, Францией и Америкой». Американский посланник

в Пекине Г. Шурмэн 21 октября 1922 г. направил китайскому правительству ноту, в которой предостерег его против возможного соглашения о КВЖД с Советской Россией [9, с. 116—117].

В период пребывания в Китае второй дипломатической миссии РСФСР было налажено сотрудничество с руководителем освободительной борьбы китайского народа, лидером партии Гоминьдан, а с 1923 г. и правительства Южного Китая Сунь Ятсеном. По результатам состоявшейся в Шанхае встречи Сунь Ятсена с А. А. Иоффе 26 января была опубликована «декларация Сунь Ятсена — Иоффе». В этом документе представитель советского правительства заверил лидера Гоминьдана в том, что в борьбе за национальное обновление и полную независимость «Китай пользуется самой широкой симпатией русского народа и может рассчитывать на поддержку России» [12, с. 93]. Сближение Сунь Ятсена с Советской Россией продолжалось с нарастающей силой после того, как в феврале 1923 г. он вновь возглавил правительство Южного Китая в Гуанчжоу. В сотрудничестве с РСФСР Сунь Ятсен видел важный фактор укрепления своих политических позиций как внутри Китая, так и за его пределами.

Современные российские исследователи отмечают, что советская поддержка была для Сунь Ятсена чрезвычайно важна, ибо он все яснее понимал, что при всей симпатии США, Европы, Японии к нему лично и к его делу он не может рассчитывать на прямую военную, экономическую, политическую поддержку этих держав. А без таковой довести до конца его планы объединения и освобождения страны было невозможно. Солидарность правительства новой России и ее правящей партии с китайской революцией внушала Сунь Ятсену большие надежды. Эта солидарность отражала своеобразие позиции Советской России по отношению к Китаю. С одной стороны, Москва вела переговоры с Пекином о возобновлении дипломатических отношений, подчеркивая свое уважение к Китайской республике. С другой — была готова поддержать те политические силы в Китае, которые противостояли республиканскому правительству и с которыми можно было связывать перспективы революционного преобразования. С точки зрения советского партийно-государственного руководства, в этой позиции не было противоречия, она вполне вписывалась в соответствующее понимание взаимоотношений национальных интересов советского государства и интересов мировой революции [8, с. 440—441]. Таким образом, в силу этих обстоятельств в отношении Китая советское руководство придерживалось двойственного подхода — помощь и поддержка прогрессивных сил (развитие связей и контактов с правительством Сунь Ятсена) и установление дипломатических отношений с правительством Северного Китая, которое рассматривалось в Москве как реакционное, но имело международное признание.

В условиях Китая того времени, характеризовавшихся постоянной борьбой милитаристов, Гоминьдан мог укрепить свои политические позиции в стране только при наличии собственной военной силы. Но у партии не было для этого ни денег, ни оружия, ни специалистов. Решить эту проблему могла только поддержка России. Вопрос о советской военной помощи Гоминьдану был поднят по просьбе Сунь Ятсена его представителем Ляо Чжункаем и обсуждался с военным атташе, сопровождавшим А. А. Иоффе. Переговоры проходили в Атами, бальнеологическом курорте близ Токио, где Иоффе находился на лечении [10, с. 94; 12, с. 92]. Решение об оказании помощи Гоминьдану советское руководство приняло в марте 1923 г., а летом того же года из СССР в Гуанчжоу была направлена первая группа военных советников [12, с. 98, 99]. В начале 1924 г. на острове Вампу (Хуанпу) недалеко от Гуанчжоу была создана военная школа для подготовки офицерских кадров армии Гоминьдана. Одновременно советское правительство ассигновало необходимые средства в размере 2 млн долларов на организацию военной школы Вампу. Все расходы по ее деятельности также покрывались из Москвы. В Южный Китай были направлены видные советские военачальники П. А. Павлов, В. К. Блюхер, А. И. Черепанов, В. К. Путна. Главным политическим советником ЦИК Гоминьдана стал М. М. Бородин [14, с. 195; 13, с. 6]. Военная школа за полтора года подготовила для армии Гоминьдана 2 тыс. офицеров, а в 1924—1926 гг. еще 6 тыс. [8, с. 448; 13, с. 6].

В конце января 1923 г. руководитель советской делегации А. А. Иоффе отбыл из Китая в Японию. Его предложение перенести переговоры в Москву, где китайская делегация могла бы находиться вне постоянного контроля со стороны дипломатических миссий западных держав, Пекин отклонил. Советский Союз не настаивал, но в августе 1923 г. было решено направить в Китай новую делегацию. Ее было поручено возглавить Л. М. Карахану, являвшемуся в тот период заместителем наркома иностранных дел. 2 сентября 1923 г. делегация прибыла в Пекин [14, с. 195, 197]. В свою очередь центральное китайское правительство в октябре 1923 г. направило в Москву свою дипломатическую делегацию. Ее возглавил Ли Цзяао. В итоге возникла своеобразная, не часто встречающаяся в международной практике ситуация, когда страны, не имеющие между собой официальных дипломатических отношений, имеют на своей территории дипломатических представителей, признавая за ними определенные полномочия. В 1923 г. в СССР и Китае были также открыты консульские учреждения: советские — в Шанхае, Чифу и Кантоне; китайские — в Чите, Благовещенске, Хабаровске, Никольск-Уссурийском (совр. Уссурийск), Владивостоке. Советские уполномоченные находились также в Харбине, на станциях Маньчжурия, Пограничная [14, с. 199].

С первых дней пребывания в Пекине глава советской делегации установил связи с представителями китайской общественности, парламентариями, деловыми кругами, учеными. П. М. Карахан наладил активную переписку с Сунь Ятсеном, часто выступал с лекциями, публикациями в печати, где освещал советско-китайские отношения. В самом же Китае идея нормализации как дипломатических, так и торгово-экономических отношений с СССР пользовалась самой широкой поддержкой практически во всех слоях общества. Начавшиеся переговоры проходили как на официальном уровне, так и в неофициальном формате. Китайскую делегацию на переговорах возглавлял опытный дипломат Ван Чжэнтин. Они начались 21 февраля 1924 г. [15, с. 56]. Уже в самом начале переговоров в Пекине выявился различный подход советских и китайских дипломатов к решению проблемы. Л. М. Карахан предлагал пекинскому правительству сначала восстановить официальные дипломатические отношения, а затем решать все остальные спорные и интересующие государства вопросы. Представители Китая предпочитали в первую очередь решить все вопросы, урегулирование которых представляло интерес для обеих сторон. Глава китайской делегации Ван Чжэнтин настаивал на том, чтобы сначала были обсуждены конкретные проблемные вопросы, а уже затем соглашение о восстановлении дипломатических отношений. Китайская делегация прекрасно осознавала, что советское государство нуждается в признании другими странами, и в этом заключается сильная сторона позиции Китая на переговорах. А поэтому в обмен на признание китайская делегация стремилась обеспечить национальные интересы своей страны. Прежде всего, Ван Чжэнтин стремился добиться приемлемых решений по вопросам о КВЖД и Монголии [16, с. 49]. Что касается КВЖД, то здесь точка зрения советской стороны заключалась в сочетании полного суверенитета Китая над дорогой с правом собственности СССР на нее как на коммерческое предприятие, находящееся на китайской территории [17, с. 527—528]. Переговоры по монгольскому вопросу Л. М. Карахан соглашался вести только после того, как «...китайское правительство даст нам необходимые гарантии безопасности наших границ» [11, с. 75].

Таким образом, уже в самом начале переговоров возник сложный узел, казалось, трудно разрешимых противоречий. Китай, используя острую заинтересованность Советского Союза в расширении своего международного признания, пытался укрепить свой суверенитет, попираемый до этого всеми крупными державами мира, а СССР — сохранить свои национальные интересы в регионе и решить вопросы безопасности дальневосточных границ. Вместе с тем на процесс переговоров самое непосредственное воздействие оказывали международные события. Важнейшим среди них в это время было установление 1 февраля 1924 г. лейбористским правительством Великобритании дипломатических отношений с СССР. 7 фев-

раля это сделала Италия. За ними последовали Австрия, Греция, Швеция и другие страны. Одновременно усилилась напряженность внутри Китая. Различные общественные организации требовали нормализации отношений с СССР. Проходили массовые митинги и демонстрации. Возросла конфронтация между Пекином и Гуанчжоу, между правительствами Северного Китая и Южного Китая (его возглавлял Сунь Ятсен, активный сторонник дружбы и сотрудничества с СССР). Эти события не могли не отразиться на состоянии переговорного процесса в Пекине. 10 марта 1924 г. Л. М. Карахан сообщил в НКИД, что признание СССР Англией и Италией «внесло очень большое оживление». Китайская пресса, как центральная, так и провинциальная, «систематически начала кампанию за признание, ругая китайское правительство за обычное опоздание во всякого рода событиях» [14, с. 201].

В Пекине Л. М. Карахан проводил как официальные переговоры, так и неофициальные встречи с представителями китайского правительства. В одном из писем своему визави на переговорах, китайскому дипломату Ван Чжэнтину, он выразил надежду, что здравая точка зрения в конце концов будет принята китайским правительством. При этом советский дипломат сослался на эволюцию, которая произошла в позиции пекинского кабинета за последние годы: от участия в попытках свержения советской власти в 1918—1920 гг. до согласия вести торговые дела. В настоящее время, писал он, «...китайское правительство будто бы согласно восстановить нормальные отношения, но лишь при известных условиях, которые являются как бы ценой этого важного политического акта. Я надеюсь, что придет день, когда китайское правительство изменит и теперешнюю свою позицию, и тогда я буду вместе с Вами счастлив открыть конференцию, чтобы покончить со всеми несомненно легко разрешимыми русско-китайскими вопросами» [13, с. 200].

К началу марта выработка проекта советско-китайского соглашения была завершена. Дважды, 6 и 13 марта, он обсуждался на заседании Кабинета министров, где в него вносились некоторые уточнения. В ходе последнего обсуждения в правительстве руководителю китайской делегации было предоставлено право завершить переговоры и от имени Китайской Республики заключить с полпредом СССР предварительное соглашение, представив его затем на утверждение правительства. Утром 14 марта Л. М. Карахан и Ван Чжэнтин парафировали проект советско-китайского соглашения [11, с. 80]. Официальное подписание документа должно было состояться вечером того же дня. Но этого не произошло. Через несколько часов представитель китайского правительства заявил, что Ван Чжэнтин, представлявший страну на переговорах, не имел должных полномочий, и правительство дезавуировало его действия [11, с. 14]. Сообщая об этом в Москву, Л. М. Карахан писал Г. В. Чичерину: «В предыдущем письме от 10 марта я писал Вам, что, пока не имеешь подписанного текста в кармане, никогда нельзя быть уверенным, что дело будет сделано. Оказалось, что я ошибся. В Китае можно иметь подписанный текст и все-таки дело может быть не сделано» [14, с. 202].

Дело в том, что после парафирования соглашения китайским представителем среди членов кабинета появились возражения против ряда формулировок, в особенности по монгольскому вопросу. Руководство внешнеполитического ведомства требовало, чтобы в соглашении было сказано о «немедленном аннулировании» всех советско-монгольских договоров и соглашений. В самом факте заключения этих договоров, как между двумя самостоятельными государствами, Китай усматривал уже неуважение к своему суверенитету. Пекинское правительство рассматривало Монголию как часть Китая, но никак не самостоятельное государство. Оно настаивало на том, чтобы размещенные в Монголии части Красной Армии были немедленно выведены, и не соглашалось с тем, чтобы условием их вывода было установление государственной границы между Монголией и Китаем [16, с. 56].

Действия китайского правительства, повлекшие за собой, по существу, прекращение переговорного процесса, вызвали осуждение советского правительства. Об этом уже 16 мар-

та было заявлено представителю Китая в СССР Ли Цзяао в ноте народного комиссара иностранных дел. Москва выражала сожаление, что китайское правительство уступило давлению «Франции и других держав» [18, с. 156]. Ван Чжэнтина освободили от руководства китайской делегацией на переговорах. 22 марта он направил специальную телеграмму в адрес парламента, государственных и общественных организаций, средств массовой информации, где изложил суть происходившего и обоснованность своих действий [11, с. 80]. Его визави Л. М. Карахан 13 мая в заявлении представителю советской печати обвинил США, Францию и Японию в оказании давления на китайское правительство с целью срыва советско-китайских переговоров. Анализируя произошедшие события, он докладывал в НКИД, что нажим на китайское правительство иностранные державы оказывали «не только через своих посланников, но и по всяким другим каналам, ибо и Япония, и Америка связаны тысячами нитей с общественными деятелями, с правителями, с правительством, с кабинетом, с финансовыми организациями Китая и т. д.» [14, с. 202; 11, с. 80—81].

Как видно из заявления полномочного представителя СССР в Пекине, западные страны обвинили китайское правительство в несоблюдении решений Вашингтонской конференции по Восточно-Китайской железной дороге. Французское правительство в ноте от 12 марта потребовало сохранения прав Русско-Азиатского банка на КВЖД и предупредило Пекин, что в случае подписания соглашения с СССР оно предъявит требования о возмещении убытков. А это значительно увеличило бы и без того немалые финансовые трудности Китая. Демарш Франции был поддержан США и Японией [18, с. 705; 14, с. 202; 11, с. 80—81].

Пекин уступил внешнему давлению, хотя его наличие отрицал, а срыв подписания договора объяснял отсутствием согласия по трем позициям проекта [11, с. 81]. Между тем отсутствие нормальных отношений с Советским Союзом явно противоречило интересам Китая. 15 марта в Пекине состоялось экстренное заседание правительства для обсуждения сложившейся ситуации. Министр иностранных дел Гу Вэйцзюнь (В. К. Веллингтон Ку), военный министр Лу Сянь и министр финансов Ван Кэминь высказались против подписания проекта соглашения. Остальные шесть членов кабинета склонны были согласиться на «осторожное решение по данному вопросу» [15, с. 59]. Однако проявленная правительством уступчивость давлению извне, нерешительность и колебания в вопросе нормализации отношений с Советским Союзом вызвали бурю негодования в стране. Представители многих общественных организаций посетили советскую миссию и выразили поддержку СССР. В адрес правительства непрерывно шли телеграммы, петиции с требованиями подписать соглашение. Пресса всех направлений советовала правительству не считаться с мнением западных держав. Некоторые военные (например, генералы У Пэйфу и Ци Сеюань) угрожали выступлением армии. Массовые демонстрации прошли в Пекине, Шанхае, Гуанчжоу, Тяньцзине и других городах. На урегулировании отношений с СССР от имени правительства Южного Китая настаивал Сунь Ятсен. Да и сами пекинские власти осознавали, что проволочки с урегулированием китайско-советских отношений контрпродуктивны. Обе стороны в равной степени были заинтересованы в скорейшем выходе из создавшейся ситуации [10, с. 112; 15, с. 63].

20 марта президент Цао Кунь издал указ, в котором отмечались важность для Китая соглашения с СССР, а министерство иностранных дел обязывалось незамедлительно продолжить переговоры с целью сближения позиций сторон [10, с. 112]. Но пауза в переговорах затянулась на два месяца. И здесь, очевидно, не лучшую роль сыграла ультимативная нота Л. М. Карахана от 14 марта об ответственности китайского правительства за срыв переговоров. В ней представитель СССР в Китае заявил, что «готов в течение 3 дней ждать подтверждения подписанных соглашений, по истечении же этого срока не будет считать себя ими связанным» [11, с. 79]. Он не имел указаний советского правительства на вручение ноты в такой форме, не говоря о том, что ультимативный стиль общения в переговорах любого характера не гарантирует успеха, а скорее, наоборот, вызывает негативную реакцию другой стороны [10, с. 111].

В начале мая 1924 г. Китай предложил продолжить прерванные переговоры. Они возобновились 21 мая, но по настоянию китайцев проходили в конфиденциальном порядке. Пекин опасался повторного вмешательства иностранных держав в ход переговоров с целью их срыва. Переговоры вел сам министр иностранных дел Гу Вэйцзюнь. Заседания проходили на частной квартире. «Китайское правительство было вынуждено хранить строжайший секрет, что и явилось главным условием успеха», — отмечал впоследствии Л. М. Карахан в интервью корреспонденту РОСТА [18, с. 365; 10, с. 116]. Одновременно советские дипломаты в Китае начали переговоры с Японией о нормализации отношений. Они происходили между Караханом и японским посланником Иосидзава. Следившие за событиями западные дипломаты ослабили внимание к вопросу о советско-китайских переговорах. «Наши переговоры с Японией усыпили зоркое внимание дипломатов, и они не ожидали, — говорил Карахан, — что мы будем вести переговоры с Китаем до окончания переговоров с Японией» [18, с. 365; 10, с. 115]. В результате давление дипломатического корпуса в Пекине на правительство ослабло, а это способствовало завершению советско-китайских переговоров.

Однако полностью избежать вмешательства извне в процесс переговоров даже в такой обстановке не удалось. 3 мая 1924 г. посланник США в Китае Г. Шурмэн направил министру иностранных дел Гу Вэйцзюню (В. К. Веллингтону Ку) ноту, в которой обращалось внимание китайского правительства на решение Вашингтонской конференции от 4 февраля 1922 г. по вопросу о КВЖД и напоминалось, что «ответственность Китая в качестве попечителя Китайско-Восточной железной дороги является обязательством, которое не может быть игнорировано или односторонне аннулировано Китаем в ходе любых переговоров с другими сторонами относительно этой железной дороги». В ноте говорилось также, что правительство США «не может одобрить какое-либо изменение status quo, по чьей бы инициативе оно не предпринималось, до тех пор, пока права всех кредиторов и остальных сторон не будут соответствующим образом защищены» [18, с. 708—709].

В силу того, что большинство вопросов были согласованы еще в марте, переговорный процесс много времени не занял. 31 мая 1924 г. чрезвычайный и полномочный представитель СССР в Китае Л. М. Карахан и министр иностранных дел Китая Гу Вэйцзюнь подписали «соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом ССР и Китайской Республикой», которым возобновлялись дипломатические отношения между обеими странами [11, с. 82]. Стороны договорились о созыве в течение месяца после подписания этого документа специальной конференции для решения всех спорных вопросов. Советское правительство в соответствии со своими ранее принятыми внешнеполитическими решениями объявляло уничтоженными и утратившими силу все договоры и соглашения, затрагивающие суверенные права и интересы Китая; отказывалось от всех специальных прав и привилегий, приобретенных в свое время царским правительством в Китае. Соглашение было первым за последние сто лет договором Китая с великой державой, заключенным на принципах равноправия, уважения суверенитета и невмешательства во внутренние дела.

Наряду с соглашением о восстановлении дипломатических отношений было подписано семь деклараций по целому ряду важных вопросов: об урегулировании взаимных имущественных претензий, сооружениях и земельной собственности русских православных миссий, денонсации договоров, заключенных царской Россией с Китаем или касающихся прав и интересов Китая; урегулировании положения советских граждан в Китае в связи с отказом СССР от принципа экстерриториальности и консульской юрисдикции и др. 31 мая 1924 г. было также подписано соглашение о временном управлении Китайско-Восточной железной дорогой [11, с. 85—92]. Что касается этой проблемы, то следует принимать во внимание, что в процессе советско-китайских переговоров был период, когда правительство РСФСР не исключало возможности полной передачи КВЖД Китаю. Возглавляемая И. Л. Юриным делегация Дальневосточной Республики от имени РСФСР предложила два варианта решения

вопроса о железной дороге — либо совместная эксплуатация, либо передача ее в полную собственность Китаю при условии предоставления Советской России права перевоза грузов по дороге. Однако в 1920 г. обострилась борьба за контроль над дорогой между США, Японией и Китаем. Заявления правительства в Пекине о том, что КВЖД должна принадлежать Китаю, иностранные державы серьезно не воспринимали. Становилось ясно, что в случае отказа РСФСР от железной дороги она будет захвачена третьими державами. В этих условиях советское предложение о совместном с Китаем управлении КВЖД при признании китайского суверенитета на дорогу было, пожалуй, лучшим решением этого вопроса [1, с. 87—88].

Говоря о сложившейся за многие десятилетия международной дипломатической практике в отношении Китая, ведущие государства мира, в том числе и дореволюционная Россия, не рассматривали эту страну как равноправного партнера в международных отношениях. Китай являлся в большей степени объектом, нежели субъектом международных отношений. Страна имела полуколониальный статус. Формально она существовала как суверенное государство, однако, в сущности, полностью зависела от западных держав. Одним из выражений такого положения дел в отношении Китая было то, что и царское правительство, и правительства западных стран рассматривали его как державу, не равную себе. И поэтому содержали в Китае дипломатические представительства второго ранга — миссии, возглавляемые посланниками. Советское правительство неоднократно заявляло о своем разрыве с дипломатической практикой дореволюционной России, о своем стремлении строить отношения с другими странами на началах равенства, взаимности и справедливости.

Исходя из этой политики, СССР предложил Китаю возвести дипломатические представительства обеих сторон в ранг посольств. 17 июня 1924 г. Наркомат иностранных дел направил в адрес китайского Министерства иностранных дел специальную ноту, в которой говорилось, что «правительство СССР в своих отношениях с <...> государствами отказалось от разделения народов на ранги и строит свою политику на принципах полного равенства. Таким образом, все страны Азии сейчас имеют послов в Москве и в своих столицах сами принимают послов Союза. Исходя из этих соображений, а также принимая во внимание, что естественное желание Китая посылать и принимать послов ныне может рассчитывать на существование, правительство СССР считает своим долгом довести до сведения правительства Китайской Республики о своей готовности учредить в Пекине посольство СССР, а также принять в Москве посольство Китайской Республики» [11, с. 93]. В ответной ноте, полученной в Москве в середине июля 1924 г., наряду с согласием Пекина с предложением советской стороны отмечалось, что «китайское правительство весьма польщено этим новым доказательством того, что Советское правительство остается верным принципам равенства, взаимности и справедливости в своих отношениях с Китаем» [11, с. 94].

Говоря о восстановлении в 1924 г. дипломатических отношений между СССР и Китаем, следует подчеркнуть, что это произошло потому, что в отношениях между государствами сложилась ситуация, при которой коренные национальные интересы обеих стран в этом вопросе совпадали. Дипломатические отношения были восстановлены несмотря на то, что далеко не все требования, выдвигавшиеся Китаем, были учтены, как этого хотело китайское правительство. «Советское правительство не хотело идти на большие уступки при разрешении вопросов, оставшихся от истории», отмечают некоторые российские ученые [16, с. 58].

Наиболее сложными были вопросы о Монголии и КВЖД. «Если вернуться к позиции СССР и Китая в 1923—1924 гг., то очевидно, — отмечает, например, в своем исследовании Ю. М. Галенович, — что СССР тогда стремился не позволить Китаю превратить Монголию реально в часть Китая, хотя СССР и признавал на словах, что она является частью Китая. Таким образом, СССР признавал, что вопрос о Монголии был тогда частью вопроса о суверенитете Китая» [16, с. 66]. В исторических исследованиях в КНР целый ряд действий Советского Союза, связанных с процессом реализации соглашения от 31 мая 1924 г., подвергаются

критике. В частности, указывается на нерешенность таких вопросов, в которых была заинтересована китайская сторона, как выкуп Китайско-Восточной железной дороги у Советского Союза, вывод советских войск из Монголии, судоходство по реке Амур, возмещение убытков, нанесенных проживавшим в России китайцами. Отмечается также, что после подписания соглашения правительство СССР, не обращая внимания на неоднократные протесты Пекина, «заключало соглашения с местными, региональными и провинциальными, военными властями и благодаря этому добилось осуществления своих прав и интересов в форме совместного управления КВЖД» [8, с. 69].

Нормализация советско-китайских отношений имела чрезвычайно большую значимость для обеих сторон. Она находилась, прежде всего, в политической сфере. В значительной мере стабилизировалась обстановка на огромных пространствах Восточной Азии, укреплялось международное положение как СССР, так и Китая, рос престиж этих государств в глазах не только народов Азиатского континента, но и мирового сообщества, закладывались основы сотрудничества между ними в будущем при решении наиболее значимых вопросов, укрепления взаимной безопасности. И в то же время через призму событий, связанных с восстановлением дипломатических отношений между СССР и Китайской Республикой, можно увидеть большинство характерных черт и особенностей, а также всю неоднозначность развития процесса двусторонних советско-китайских отношений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Хейфец А. Н.* Советская Россия и сопредельные страны Востока в годы Гражданской войны (1918—1920). М. : Наука, 1964. 472 с.

2. Из истории Гражданской войны в СССР. Сборник документов и материалов: в 3 т. 1918—1922. М. : Советская Россия, 1960. Т. 1. (май 1918—1919 г.). 478 с.

3. История СССР с древнейших времен до наших дней: в 2 сериях: в 12 т. М. : Наука, 1967. Сер. вторая. Т. VII. 752 с.

4. *Нежинский Л. Н.* Внешняя политика Советского государства в 1917—1921 годах: курс на «мировую революцию» или на мирное сосуществование? // История СССР. 1991. № 6. С. 3—27.

5. Страны и народы: научно-популярное географо-этнографическое издание в двадцати томах. Зарубежная Азия. Восточная и Центральная Азия. М. : Мысль, 1982. 285 с.

6. *Кузьмин Г. В.* Разгром интервентов и белогвардейцев в 1918—1922 гг. М. : Воениздат, 1977. 416 с.

7. Летопись внешней политики СССР, 1917—1978 гг. М. : Политиздат, 1978. 367 с.

8. История Китая / под ред. А. В. Меликсетова. М. : Изд-во МГУ, 2004. 752 с.

9. *Степанов А. С.* Заслуга нашей дипломатии (ленинская политика мира на Дальнем Востоке. 1917—1922). М. : Прометей, 1991. 168 с.

10. *Капица М.* С. Советско-китайские отношения. М. : Политиздат, 1958. 424 с.

11. Советско-китайские отношения. 1917—1957: сб. документов. М. : Изд-во Восточной литературы, 1959. 468 с.

12. *Панцов А. В.* Тайная история советско-китайских отношений. Большевики и китайская революция (1919—1927). М. : Изд. Дом «Муравей-Гайд», 2001. 456 с.

13. *Рахманин О. Б.* К истории отношений России — СССР с Китаем в XX веке. М. : Памятники исторической мысли, 2002. 512 с.

14. Открывая новые страницы... М. : Политиздат, 1989. 432 с.

15. *Мировицкая Р. А.* Движение в Китае за признание Советской России (1920—1924). М. : Изд-во восточной литературы, 1962. 68 с.

16. *Галенович Ю. М.* «Белые пятна» и «болевые точки» в истории советско-китайских отношений. Т. 1: От октября 1917 г. до октября 1949 г. М. : ИДВ РАН, 1992. 170 с.

17. Документы внешней политики СССР. М. : Политиздат, 1962. Т. 6. 672 с.

18. Документы внешней политики СССР. М. : Политиздат, 1962. Т. 7. 760 с.

Статья поступила в редакцию 7 сентября 2012 г.